

Екатерина
Свет

Таня
Белкова

МОЙ ХИРУРГ ЖИВАЯ КОЖА

Таня Белкова

Мой хирург. Живая кожа

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой хирург. Живая кожа / Т. Белкова — «Автор», «Автор»,
2026

— Забирайте пробирки и вон из бокса! Так встретил меня Тимур Каримов, заведующий ожоговым отделением. Я приехала с биокожей, которой посвятила пять лет, а он не собирался доверять жизнь пациента «кабинетной ученой». В эту ночь после взрыва на фабрике к нам привезли пожарного, спасшего троих детей. Теперь нам придется работать вместе — и отвечать за каждое решение. Упрямый хирург спорит со мной в операционной, а после смены согревает мои замерзшие ноги и варит кофе. Рядом с ним трудно беречь не только профессиональную гордость, но и сердце. Только владелец сгоревшей фабрики готов уничтожить мою разработку, чтобы скрыть свою вину. На кону жизнь нашего пациента. И мужчина, которому я уже не могу не доверять.

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Екатерина Свет

Мой хирург. Живая кожа

Мой хирург. Живая кожа
Екатерина Свет и Тania Белкова

Глава 1

Ноябрьская ночь за окнами Республиканского ожогового центра захлебывалась косым ледяным дождем со снегом. В бетонном тамбуре приемного покоя пахло карболкой, известью и сырым сквозняком с открытого пандуса.

Я прижимала к груди металлический кейс с ламинарным блоком. Внутри, в парах азота при восьмидесяти градусах ниже нуля, покоились шестнадцать контейнеров «Дерма-Синтез» — пять лет лабораторных бессонных ночей, сотни забракованных матриц, тысячи часов у микроскопа. Моя живая рекомбинантная кожа.

Вой сирены медицины катастроф разорвал тишину, и створки шлюза содрогнулись. Реанимобиль затормозил у порога с визгом мокрых шин.

— Красный код! — крикнул фельдшер, распахивая двери. — Взрыв на мебельной фабрике «Стиль-Массив»! Детонация паров полиуретанового лака, обвал перекрытий. Командир караула Артем Савельев, тридцать два года. Вытащил троих детей до обрушения балок!

Навстречу каталке широкими шагами вышел заведующий отделением комбустиологии Тимур Каримов. Плотный прорезиненный фартук поверх графитового хирургического костюма, закатанные рукава, мощные предплечья с рельефными венами. Жесткое лицо с трехдневной щетиной и тяжелые, невыносимо острые янтарные глаза. Человек-камень.

Каталка влетела в шлюз. Запах ударил в лицо удушливой волной — паленое мясо, тлеющая ткань и едкая химическая гарь. Грудь и шея Савельева превратились в черный спекшийся панцирь.

Двое санитаров ухватились за брезент, готовясь передернуть пострадавшего на жесткий стол.

— Руки убрали! — рявкнул Каримов так, что звякнули стекла шкафов. — Ткань спаяна с фасцией. Сорвете струп — захлебнется кровью на пороге!

Он лично подвел под поясницу больного вакуумный лоток. Я шагнула вперед, бережно подхватив голову пожарного снизу. Мои пальцы в латексе зафиксировали затылок, не дав шейному отделу сместиться ни на миллиметр. Сухой струп на челюсти хрустнул, но удержался. Мы мягко переместили Савельева под бестеневые лампы.

— Доступ! — бросил Каримов анестезиологу. — Давление по нулям!

Романов занес подключичную иглу над обугленной ключицей.

— Стой! — Каримов оттолкнул его плечом. — Анатомия стерта, проткнешь купол плевры!

Одним движением скальпеля Тимур вскрыл паховую складку. За двадцать пять секунд он выделил бедренную вену и ввел катетер четырнадцать-дзи:

— Три струи подогретого Рингера, живо!

Ножницами Листера он вспорол штанины Савельева и замер. Бедря и голени покрывали сливные белесые пузыри термохимического распада. Здоровой кожи не было вовсе. Донорский ресурс — абсолютный ноль.

— Шестьдесят пять процентов, индекс Франка за сто сорок, — выдохнул анестезиолог. — Стопроцентная летальность. Закрывать нечем.

Каримов уперся кулаками в стол. В его янтарных глазах вспыхнула бессильная ярость хирурга.

Я открыла крышку криобокса с золотистой маркировкой Минздрава:

— Донорской кожи нет, доктор Каримов. Но здесь шестнадцать матриц «Дерма-Синтез». Рекомбинантный фибробластный каркас. Они закроют всю грудную клетку и остановят плазморею.

Тимур поднял на меня давящий, ледяной взгляд:

— Воронова? Слышал о ваших статьях. Кабинетная наука на крысах. У меня сгорает комбат МЧС, и ставить эксперименты я не позволю. Забирайте пробирки и вон из бокса!

Я шагнула вплотную, чувствуя жар его тела и горький запах табака:

— Через два часа гематокрит подскочит до шестидесяти пяти, а почки встанут в шоковом блоке! Без закрытия фасции он труп к четырем утра, вы сами знаете эту формулу! Взгляните в микроокуляр: тест трипановым синим — девяносто шесть процентов живых активных фибробластов!

Я поднесла оптику портативного считывателя к его лицу. Несколько секунд он буравил меня тяжелым взглядом, затем припал к окуляру, где ровным изумрудным ковром светилась живая клеточная культура. Желваки на его скулах вздулись.

Внезапно кардиомонитор заверещал.

— Фибрилляция! — крикнул Романов. — Сорок на десять! Остановка!

Зубцы ЭКГ рассыпались в хаотичные синусоиды. Токсический ожоговый миокардит.

Каримов схватил утюжки дефибрилятора:

— Триста джоулей! Разряд!

Тело Савельева выгнулось, но на экране продолжилось смертельное трепетание.

— Ацидотический блок каналов! — крикнул анестезиолог.

Я сорвала колпачок со шприца и вогнала иглу в порт катетера:

— Ввожу сорок кубиков цитофлавина и буфер гидрокарбоната натрия! Снимаю ацидоз мембран! Стреляйте еще раз, Тимур! Сейчас!

— Триста шестьдесят! Разряд!

Удар. Секунда мертвой тишины. И монитор протянул ровную синусоиду: восемьдесят шесть в минуту.

— Синусовый, держит, — выдохнул Романов.

Каримов опустил электроды, посмотрев на меня с острым, ошеломленным вниманием.

— В первую операционную, живо, — скомандовал он.

В шлюзе ординатор занес марлевый тампон с десятипроцентным спиртовым йодопирином над грудью больного.

Я перехватила его запястье стальной хваткой:

— Стой! Спирт и йод коагулируют белки грануляций и убьют рецепторы адгезии. Матрица не сядет на омертвевшее ложе. Мыть только теплым полигексанидом и хлоргексидином ноль целых пять сотых! Селезнева, проследите!

Старшая медсестра Марина Селезнева молча отобрала корнцанг у растерянного парня:

— Сделаем как доктор сказала.

В предоперационной хлестала вода из локтевых кранов. Я подошла к соседней раковине, нажимая педаль мыльного дозатора и растирая пену по предплечьям.

Каримов стоял рядом, смывая мыло:

— Вы рискуете головой, Воронова. Если парень умрет, министерство разорвет вас на части. Ждите в коридоре. Мы снимем струп сами, лоскуты подадут сестры.

Я смыла пену и повернулась к нему в упор:

— У матрицы пространственная анизотропия. Если перепутать полярность хоть на миллиметр и положить ее вверх ногами, через двадцать минут начнется цитолиз. Вы ас скальпеля, Каримов. Но архитектуру этого матрикса знаю только я. Перчатки номер семь. Я иду первым ассистентом.

Тимур замер. В уголках его жестких губ мелькнула скупая, уважительная усмешка.

— Селезнева, халат Вороновой. Встает напротив меня.

* * *

— У меня пятнадцать минут, — сказала я Каримову в шлюзе. — Пока вы обнажаете фасцию, я выделю аутосыворотку Савельева и насыщу матрицу факторами роста. Без этого трансплантат погибнет от ишемии.

— Через пятнадцать минут я дойду до мышц, — бросил он, натягивая маску. — Не успеете — ушью рану свиной ксенокожей.

С вакуумными пробирками крови Савельева я бросилась в лабораторное крыло.

В биохимическом модуле дежурный токсиколог Вадим Петрович Зимин как раз наблюдал, как санитар пытается задвинуть мои пробирки в конец общего утреннего штатива.

— Стоять, — я перехватила штатив. — Это Савельев. Центрифугируем немедленно.

Зимин поднялся из-за стола, скрестив руки на груди:

— Центрифуга «Бекман» настроена на плановые токсикологические тесты. На нестандартный градиент фикола нужно распоряжение начмеда. Я не запущу аппарат без визы.

— Клинический протокол утвержден Минздравом, — я с размаху опустила ламинированный документ с гербовой печатью на его журнал. — Вся юридическая и уголовная ответственность на мне. Статья сто двадцать четыре — неоказание помощи. Если не нажмете пуск сию секунду, протокол изъятия аппаратуры будет писать следователь прокуратуры.

Зимин побледнел, торопливо ввел пароль оператора и отступил:

— Четыре тысячи оборотов. Сами отвечаете.

Я загрузила пробирки в ротор и захлопнула бронекрышку. Прибор взвыл, пол задрожал от нарастающей вибрации. На дисплее вспыхнуло: 4000 об/мин, температура плюс четыре градуса.

Через две минуты раздался сухой металлический щелчок. Замигало аварийное табло: температура рабочей камеры поползла вверх — восемь, двенадцать, шестнадцать градусов!

— Фреоновый контур выбило! — засуетился Зимин. — Датчик давления заклинило, компрессор встал! Белки свернутся в хлопья!

При восемнадцати градусах защитные факторы необратимо денатурируют. У нас осталась минута.

Я вдавила клавишу аварийного обдува. В этот миг дверь распахнулась — в бокс влетел дежурный биомедицинский инженер Борис Ковалев с инструментальным чемоданом.

— Температура плюс семнадцать! — крикнула я. — Залипло термореле!

Ковалев сдернул боковой кожух работающего аппарата. Щелкнули кусачки. За сорок секунд он переключил выводы реле напрямую и вручную выкрутил дроссель хладагента:

— Пошел фреон!

Агрегат нутжно загудел, из решетки вырвался ледяной пар. Цифры на табло побежали вниз: плюс шесть, плюс три и восемь. Спасено.

Ротор остановился. Я аккуратно вынула пробирки. Кровь разделилась: на дне темнел эритроцитарный сгусток, а над ним колыхалась прозрачная, слегка опалесцирующая золотистая сыворотка.

Зимин посмотрел на просвет и язвительно усмехнулся:

— Опалесценция! Это же скрытый токсический гемолиз от паров лака! Свободный гемоглобин. Сыворотка ядовита, клетки передохнут за десять минут. Это брак, коллега!

— Классика шестидесятых годов, Вадим Петрович, — оборвала я.

Я отобрала каплю капилляром и поместила кювету в экспресс-спектрофотометр на длинах волн двести восемьдесят и пятьсот шестьдесят нанометров.

— Смотрите на кривую, — я развернула экран. — На пятистах шестидесяти — ноль целых две сотых. Свободного гемоглобина ноль! А гигантский пик на двухстах восьмидесяти дают белки теплового шока — шапероны HSP70. Организм Савельева выбросил их для собственной защиты. Это мощнейший биостимулятор приживания. Парень сам выработал сыворотку своего спасения!

Зимин растерянно моргнул и молча опустил на стул.

Я набрала сыворотку в шприц. Густой фибриноген пытался забить иглу, но я накрутила фторопластовый фильтр с порами ноль двадцать две микрона. Прозрачный раствор ровной струей полился в ванночки к оттаявшим матрицам «Дерма-Синтез».

— Борис, подключайте кавитатор! — скомандовала я. — Пассивная диффузия идет полтора часа, у нас нет этого времени. Частота двадцать два килогерца, мощность сорок ватт, экспозиция четыре минуты!

Ковалев опустил ультразвуковой волновод в лоток. Раздался тонкий свист. Акустическая кавитация вспенила раствор микроскопической рябью, бережно раскрывая нанопоры коллагена и загоняя молекулы HSP70 прямо к живым фибробластам. Ровно за четыре минуты каркас насытился защитными факторами.

Таймер звякнул. Я переложила матрицы в теплый термоконтейнер.

Дверь распахнулась — на пороге стояла взмыленная Селезнева:

— Воронова, быстрее! Каримов уже снял струп с грудины, через минуту оголит всю фасцию!

— Идем, Марина Игоревна! Все шестнадцать пластин готовы!

Глава 2

Операционная номер один гудела ламинарным потоком. В воздухе висел тяжелый дух озона и жженой ткани.

Савельев лежал на столе, его грудь и шея были обнажены. Каримов работал молча. В его руке гудел дисковый электродерматом с лезвием на четыре десятых миллиметра, срезая спекшийся панцирь.

Вдруг диск инструмента забуксовал на каменистом участке, завибрировал с надрывным визгом и едва не вильнул вглубь мышц.

— Черт, струп как гранит, лезвие горит, — процедил Тимур сквозь зубы.

Я уже стояла напротив него:

— Селезнева, лоток!

Длинным шприцем я омыла линию разреза охлажденным гидрогелем с глицеролом:

— Смачивайте гидрогелем, Тимур Русланович! Трение упадет вчетверо.

Каримов прижал диск к увлажненной кромке. Инструмент пошел мягко и ровно, срезая обугленный пласт гладкой сплошной лентой.

— Ассистент, гемостаз! — бросил Тимур ординатору.

Тот ткнул электрокоагулятором в пульсирующий алый сосуд в четвертом межреберье на максимуме мощности. Мелькнула искра.

— Назад! — Каримов ударил ординатора тыльной стороной руки по держателю, отбросив инструмент. — Здесь до париетальной плевры полмиллиметра! Ты прожжешь дыру в легкое! Изогнутый титановый клипс Дебейки!

Я подхватила край артерии тонким пинцетом, приподняв ее со дна желоба, и держала три секунды, пока Тимур накладывал клипсу. Щелчок — кровотечение остановлено, плевро цела.

Каримов перешел к левой подключичной зоне. На фоне гипоксии граница между некрозом и жизнеспособной тканью стиралась. Срезать лишнее — искалечить мышцу, оставить мертвые волокна — погубить трансплантат.

— Не вижу четкого края, — нахмурился он.

— Дайте ультрафиолет, — я подняла пульверизатор с флуоресцеином натрия.

Селезнева притушила бестеневые купола, включив синюю лампу Вуда. Я распылила микродозу люминофора над раной.

Поле вспыхнуло: живые пучки мышц с капиллярным кровотоком засветились чистым изумрудно-зеленым неоном, а мертвые участки остались темными, буро-серыми пятнами.

— Работайте по зеленой границе, — сказала я.

Скальпель Тимура пошел с ювелирной точностью, филигранно снимая мертвый субстрат ровно по световой демаркации. Мы двигались в едином ритме: я осушала край, он рассекал.

Вдруг под фасцией большой грудной мышцы в УФ-лучах проступило абсолютно черное пятно. Тимур тронул его зондом — инструмент провалился на три сантиметра. С шипением вырвался зловонный газ и мутная серая сукровица.

— Анаэробный карман, газовая флегмона, — выдохнул Каримов. — Укрыли бы кожей — через сутки получили бы летальный сепсис.

Ножницами Купера он рассек полость. Я ввела канюлю и под давлением промыла карман озонированным гидрокарбонатом, затем полигексанидом, вымывая детрит до сверкающей надкостницы ребра. Очаг был ликвидирован.

Но стоило очистить мышечное ложе, как миллионы срезанных капилляров отозвались массивным диффузным кровотечением. Плазма и кровь выступили сплошной алой росой.

— Давление восемьдесят на пятьдесят! — крикнул Романов. — Переливаю второй флакон эритроцитов!

— Стой! — оборвал Каримов. — ЦВД восемь! Сердце не пустит объем, это токсический сосудистый паралич. Зальешь эритроцитами — утопишь легкие в отеке! Норадреналин ноль ноль пять микрограмм и держи плазму!

Давление выровнялось на 105 на 65.

— Рану заливают экссудатом, лоскуты всплывут, — нахмурился Тимур.

— Не всплывут, — я взяла аппликатор с фибриновым клеем и апротинином.

Тонким аэрозолем я распылила состав по обнаженной груди. За тридцать секунд фибрин полимеризовался в прозрачную нанопленку: капиллярное кровотечение замерло, поверхность заблестела ровным глянцем.

Селезнева потянулась с марлевыми салфетками.

— Марлю нельзя! — остановила я ее. — Нити врастут в фибрин и оторвут микротромбы. Поле готово. Начинаем трансплантацию!

Каримов поднял глаза на стенные часы. Четыре утра.

— Пинцеты хирургам, — глухо сказал он. — Поехали, Элина.

* * *

Селезнева подкатила столик. Я открыла крышку термоконтейнера. Шестнадцать полупрозрачных пластин «Дерма-Синтез» толщиной триста микрометров лежали в теплом растворе, отливая жемчужным перламутром.

Я взяла пинцетом центральную пластину пятнадцать на двадцать сантиметров. Едва тончайшая мембрана покинула жидкость, как статический заряд сухого латекса заставил ее края свернуться в жгут.

— Лоток с теплым пятипроцентным альбумином! — крикнула я.

Я окунула руки в белок и повернулась к хирургу:

— Руки в альбумин, Тимур! Быстро!

Он погрузил перчатки в раствор. Альбуминовая пленка сняла статику. Тefлоновым шпателем я перенесла расправившуюся пластину на рукоятку грудины Савельева. Мембрана легла на ложе, словно влажный шелк — гладко, без единой морщины, мгновенно сцепившись с фибриновой основой.

Каримов протянул руку:

— Кожный степлер. Прихватим скобами.

— Нет! Скобы порвут трехсотмикронную матрицу при дыхании. Только атравматичный шов!

Тимур с грохотом швырнул степлер в лоток:

— Пролен шесть нулей на круглой игле! Воронова, натяжение края.

Я приподняла микропинцетом кромку биокожи, сопоставляя ее со здоровой дермой. Игла Каримова заскользила с микронной точностью, укладывая непрерывный косметический шов. Пластина за пластиной закрывали пепелище на груди и плечах пожарного.

К четырем тридцати мы дошли до пятого межреберья слева — зоны верхушечного толчка сердца. С каждым систолическим ударом раневая поверхность подскакивала на шесть миллиметров, сбивая клеевую фиксацию.

— Сердце срывает лоскут, — выдохнул Тимур.

— Я удержу, — отозвалась я.

Тefлоновым шпателем я мягко прижала край мембраны на диастоле. Ровно четыре секунды абсолютной неподвижности. Каримов нанес аэрозольный фиксатор. Клей схватился, и лоскут задышал синхронно с миокардом.

Оставалась последняя пластина у основания шеи над яремной вырезкой.

И в этот миг истонченная огнем стенка наружной яремной вены не выдержала натяжения.

В тишине операционной раздался сухой свистящий звук:

Хи-ш-у-у-п...

— Воздушная эмболия! — вскрикнул Романов. — Воздух в предсердии!

Если пузыри забьют легочный ствол — это мгновенная смерть.

Большой палец Каримова впечатался в глубину раны, пережав вену ниже разрыва и отрезав воздух от сердца. Но верхний край продолжал зиять. Наложить зажим было нельзя — истлевшая стенка рассыпалась бы в труху.

— Разорвет русло! — хрипел Тимур, пот заливал его глаза. — Держу пальцем... Элина, что делать?!

Я отсекала ножницами полоску матрицы «Дерма-Синтез», обмакнула ее в концентрированный тромбин и шагнула к нему:

— Держите просвет снизу!

Я подвела биополоску прямо к его пальцу и с силой прижала заплату на зияющий дефект вены. Тромбин и коллаген вступили в бурную реакцию полимеризации, намертво запечатав сосуд эластичной живой муфтой.

Свист оборвался. На мониторе восстановился ровный ритм: восемьдесят ударов в минуту. Вена была спасена.

Каримов медленно ослабил нажим. Заплатка держала идеально.

Он оторвал руку от раны. И в сантиметре над закрытым сосудом наши пальцы в тонком латексе соприкоснулись.

Внезапный резкий импульс жара прокатился от кончиков пальцев к ключицам. Дыхание перехватило. На миг все звуки операционной отдалились, растаяли.

Тимур поднял голову. Его янтарные глаза смотрели в мои в упор. В них не осталось ни капли начальственного льда — только тяжелое, ошеломленное изумление мужчины, встретившего равную силу. И вспыхнувшее темное пламя, от которого перехватило дыхание.

Я не отвела глаз. Не отдернула пальцев. Напротив, чуть сжала бранши пинцета, удерживая его прикосновение еще на одну долгую, пьянящую секунду:

— Рана укрыта, доктор Каримов. Мы сделали это.

Тимур медленно, шумно выдохнул сквозь маску. В уголках его глаз собрались лучистые морщинки — редкая, обезоруживающая полуулыбка смягчила его гранитное лицо:

— Благодаря вам, Элина Сергеевна. Благодаря вашей коже.

Воздух между нами звенел напряжением, но он отступил на шаг, возвращая самообладание:

— Селезнева, повязку.

Селезнева потянулась за марлей, но я покачала головой:

— Только перфорированный полиамидный силикон. Никакой марли на семь суток.

Мы укрыли рану силиконовой сеткой. Сквозь прозрачные ячейки было видно, как четыре с половиной тысячи квадратных сантиметров пересаженной биокожи наливаются нежным бледно-розовым цветом. Фибробласты начали газообмен с капиллярами. Кожа ожила.

— Давление сто десять на семьдесят! Диурез тридцать миллилитров! Плазморея остановлена! — торжествовал Романов.

В пять сорок утра Савельева перевезли в бокс номер три.

— Никаких обычных матрасов, — предупредил Каримов санитаров. — Спина обожжена, на матрасе получим некроз за шесть часов. Включаем «Клинтрон».

Он повернул ключ на консоли флюидизирующей кровати. Загудел компрессор, подавая теплый стерильный воздух в резервуар с микросферами натрий-кальциевого силиката. Масса кварцевого песка закипела, превращаясь в невесомую текучую взвесь. Мы переложили Савельева — его тело мягко погрузилось в псевдокипящий слой, зависнув с нулевым давлением на ткани. Мониторы показали 115 на 75, пульс 78. Шок был побежден.

Мы вышли в шлюз санпропускника.

В коридоре отделения царила предрассветная синеватая тишина. За окнами стояла ноябрьская темнота, на ветвях в свете фонарей блестели тонкие льдинки.

Я стянула резинку хирургической шапочки, и темные волосы рассыпались по плечам. Внезапно колени предательски ослабли — чудовищный откат усталости навалился на плечи. Я качнулась, опершись о кафель стены.

Сзади послышался шаг.

Большая, горячая ладонь легла мне на плечо. Пальцы Тимура бережно сжались, отдавая надежное, несокрушимое тепло и снимая тяжесть ночи.

— Ты сотворила чудо, Элина, — тихо произнес он над моим ухом, и по телу прокатилась сладкая дрожь. — Савельев будет жить. А теперь идем в ординаторскую. Я сварю нормальный кофе. И попробуй только отказаться.

Я повернулась, взглянув в его уставшие, горящие янтарным светом глаза, и впервые за ночь открыто улыбнулась:

— Я не откажусь, доктор Каримов. Но у нас в запасе ровно сорок восемь часов.

Он приподнял бровь.

— Первые двое суток решат все, — напомнила я, глядя сквозь стекло на пожарного в псевдокипящем песке. — Либо капилляры ложа прорастут сквозь поры матрицы и дадут ей собственную сеть... либо иммунитет Савельева распознает чужеродные клетки и смоем мою кожу волной сверхострого лизиса.

Пальцы Тимура на моем плече сжались чуть крепче:

— Значит, следующие сорок восемь часов мы держим оборону вместе. Пошли, Воронова. Нам нужны силы.

Глава 3

За высокими окнами ординаторской темнели ветви старых берез. Холодные синеватые тени от ночных фонарей лежали на стенах. Было начало седьмого. Шесть бесконечных часов в операционной и реанимационном боксе остались позади.

Я переступила порог и с тихим стоном облегчения сбросила тяжелые операционные сабо. Но стоило босым ногам коснуться пола, как ледяной кафель обжег ступни. Сквозняк из открытой форточки превратил пол в застывший каток. Мышцы икры свело острой судорогой, и я покачнулась.

Прежде чем я успела опереться о косяк, сильные руки подхватили меня за талию. Тимур легко, словно пушинку, перенес меня через комнату и опустил на старый коричневый кожаный диван.

— Сиди, — негромко сказал он.

Он опустился на одно колено прямо передо мной. В полумраке его резкое, скуластое лицо с темной щетиной казалось отлитым из темной бронзы, но в янтарных глазах плескалась такая густая, бережная теплота, от которой у меня перехватило дыхание.

Из нижнего ящика книжного шкафа он достал свои собственные домашние тапочки — темно-синие, из мягкого войлока, подбитые натуральной овчиной. Тимур взял мою озябшую ступню в свои широкие ладони. Его пальцы, привыкшие к холодной стали скальпеля, были горячими и шершавыми. Он аккуратно надел тапочки на мои ноги, бережно растирая онемевшие пальцы. Густая волна уюта поднялась от согретых ступней по всему телу.

Я потянулась застегнуть верхнюю пуговицу тонкого медицинского халата, чтобы скрыть нервную дрожь в ключицах, но хрупкий пластик с сухим щелчком отлетел и покатился под стеллаж.

Тимур поднялся, снял со спинки стула свой тяжелый темно-синий свитер крупной вязки и осторожно набросил мне на плечи. Свитер пах морозным воздухом, кедровой смолой и чистым мужским теплом. Утонув в его мягкой шерсти, я подогнула слишком длинные рукава.

На маленькой электрической плитке зашипела медная джезва. Комнату наполнил бархатный, пряный аромат крепкого кофе с кардамоном.

— Откуда ты знаешь, что я пью с кардамоном? — тихо спросила я, принимая из его рук горячую керамическую кружку.

— Не знал. Варил, как люблю сам, — ответил он, садясь рядом на край дивана. — Но теперь запомню, Воронова.

Я взяла чашку обеими ладонями, но резкая боль обожгла палец — глубокая ссадина от тугого зажима криогенного контейнера сочилась кровью. Я инстинктивно спрятала руку в рукав.

Тимур мягко перехватил мое запястье. Его пальцы легли точно на точку пульса:

— Не прячься от меня, Элина. Хирург обязан беречь руки соратника.

Он достал флакон бетадина и тонким ватным фитильком осторожно обработал ссадину, остужая кожу прохладным дыханием. Дыхание перехватило, тепло его пальцев отозвалось во всем теле.

Мой взгляд скользнул по его рабочему столу. Среди стопок историй болезни лежал раскрытый массивный кожаный бювар. Я невольно взглядела в разворот: там были аккуратно вклеены распечатки статей моей кандидатской диссертации двухлетней давности. Поля пестрели его четким каллиграфическим почерком: «Гениальная идея пористости коллагена», «Внедрить в блоке при первой возможности».

Заметив мой взгляд, Тимур смущенно прикрыл страницу широкой ладонью:

— Я следил за твоими публикациями с первого доклада в журнале комбустиологии. Два года мечтал увидеть этот матрикс в деле. И тебя.

Стены между нами рухнули окончательно. Я опустила кружку на столик, подалась вперед и накрыла своей ладонью его большую, исчерченную мелкими шрамами кисть:

— Спасибо, Тимур. Ни один коллега в столице не читал мои работы с таким пониманием. Он накрыл мою ладонь второй рукой, не отводя невыносимо теплого взгляда:

— Хватит о работе. Скажи, когда ты в последний раз видела живое море? Не под микроскопом, а настоящее?

Я замерла, вглядываясь в золотистые крапинки его радужки:

— В детстве. В Феодосии. Запах йода, горьких водорослей и крики чаек на рассвете...

— Мы поедem к морю, — негромко произнес он, и в его голосе звенела несокрушимая уверенность. — Закончим с Савельевым, поднимем его на ноги — и поедem.

Я попыталась встать, вспомнив про постовые журналы, но свинцовая тяжесть бессонной ночи окончательно парализовала мышцы. Голова закружилась.

Тимур подхватил меня под спину и колени, легко поднял на руки и уложил на подушки дивана, укрыв шерстяным пледом до подбородка:

— Спи, Элина. Пока я в корпусе, твой сон никто не посмеет потревожить. Я разбужу тебя к обходу.

Я закрыла глаза и мгновенно провалилась в целительную темноту, убаюканная мерным тиканьем настенных часов и запахом его свитера.

* * *

В одиннадцать утра мы вошли в реанимационный бокс номер три.

В палате стоял низкий, вибрирующий гул компрессора противоожоговой кровати «Клинтрон». Пахло стерильным кварцем и теплым воздухом.

Дежурный реаниматолог как раз тянулся к тумблеру температуры, намереваясь выставить обдув на сорок градусов, чтобы подсушить обожженную спину больного.

— Отставить форсаж, — я решительно перехватила управление консолью. — Сухой поток свыше тридцати семи градусов высушит влажную матрицу на груди и убьет фибробласты. Перевожу систему в зональный режим: спинной сектор — тридцать пять градусов с влажностью шестьдесят процентов, зона груди — покой при тридцати шести и пяти.

Система послушно щелкнула реле, перераспределяя воздушные потоки внутри песчаной ванны.

Савельев парил в псевдокипящем слое силикатных микросфер. Его лицо порозовело, дыхание через трахеостомическую канюлю было ровным, без свиста.

Палатная сестра взяла пинцет, собираясь рывком приподнять перфорированную силиконовую пленку с левого надплечья пожарного. Край сетки успел подсохнуть на фибриновом ободке.

— Не спешить, — Тимур мягко отвел руку сестры. Он взял шприц с теплым физиологическим раствором гиалуроновой кислоты и капельно увлажнил линию спайки: — Кожа Элины требует ласки, а не рывков.

Силикон плавно отошел сам, обнажив влажную, идеальную поверхность.

Я включила цифровой поляризационный дерматоскоп с синим спектральным фильтром и направила оптику на раневое поле. На настенном мониторе высокого разрешения исчезли оптические блики, раскрыв архитектуру ложа.

Но стоило оптической головке приблизиться к левой ключице, как экран показал темное волнение жидкости под третьей пластиной матрицы.

— Серома, — тихо констатировала я. — Около десяти миллилитров экссудата под медиальным краем. Если не убрать, лоскут отслоится, и начнется нагноение.

Каримов нахмурился, потянувшись к скальпелю для краевой насечки, но я покачала головой:

— Резать нельзя, нарушим герметичность. Инсулиновый шприц с иглой тридцать-джи!

Ювелирным движением под углом пятнадцать градусов я ввела тончайшую иглу прямо сквозь пору матрикса. Прозрачный желтоватый экссудат плавно заполнил цилиндр шприца. Тимур подушечками пальцев в перчатке бережно прижал опустившуюся мембрану к мышечной фасции, а я через ту же канюлю ввела микродозу аутологичного тромбинового клея. Полость спалась и намертво схватилась за двадцать секунд. Лоскут снова был монолитен.

Внезапно Савельев судорожно втянул воздух и попытался кашлянуть. Межреберные мышцы напряглись, угрожая натянуть швы. Тимур мгновенно опустил широкую ладонь поверх мягкой гелевой подушки на грудь пожарного, мягко амортизируя толчок:

— Спокойно, Артем. Я держу грудь. Дыши носом, брат, спокойно.

Напряжение спало. Швы остались целы.

Ординатор тем временем приготовил бутылку с концентрированной глюкозой для зондового введения.

— Никакой чистой глюкозы, — ввешалась я. — На пике катаболизма это вызовет гипергликемический криз и вымоет калий. Нужен специальный пептидный гидролизат с глутамином. Я сейчас же принесу его со склада.

В этот момент веки Савельева дрогнули. Его серые запавшие глаза медленно открылись, обретая ясность. Он посмотрел на склонившегося Тимура, затем перевел взгляд на меня. Под маской слабо зашевелились потрескавшиеся губы:

— Я... живой?.. Дети... из мебельного... живы?

Тимур крепко сжал его плечо:

— Живы твои пацаны, Артем. Всех спасли. И ты жив. Познакомься: доктор Элина Воронова. Ее живая кожа держит твоё сердце.

По обожженной щеке офицера медленно скатилась прозрачная слеза. Он слабо, с благоговением кивнул мне, и в его взгляде читалась бесконечная, нерушимая благодарность солдата.

* * *

На посту старшей медсестры Марина Селезнева в отчаянии бросила на стол пустую накладную:

— Зинаида Петровна со склада заперла решетку. Начмед уехал на коллегия в министерство, а без его личной круглой печати она не выдаст ни грамма белкового гидролизата! Заявила: ждите до завтрашнего утра!

— До утра Савельев потеряет двести граммов собственного белка, и матрица начнет лизироваться, — отрезала я, снимая халат с крючка. — Идемте со мной, Марина Игоревна.

В цокольном этаже стоял глухой запах камфоры и сухого картона. Стальная решетка аптечного склада была наглухо закрыта. Табличка на фанерной створке гласила: «Переучет. Выдачи нет».

Селезнева робко постучала:

— Зинаида Петровна, откройте! Экстренный больно́й, красный код!

— Сказано — закрыто! — донесся визгливый крик из глубины. — У меня комиссия Росфармации! Я из-за ваших горелых под суд не пойду!

Я шагнула вперед и нажала клавишу экстренного селектора пожарно-медицинской связи. Сирена выдала резкий зуммер, и мой голос разнесся по складу через громкоговоритель:

— Дежурный провизор, говорит руководитель федерального клинического протокола доктор Воронова. Откройте створку немедленно, или через три минуты дверь будет вскрыта аварийной службой с фиксацией акта об оставлении в опасности.

Засов с лязгом отодвинулся. В проеме появилось багровое, разгневанное лицо завскладом Зинаиды Петровны:

— Да как вы смеете?! Этот гидролизат забронирован под плановую кардиохирургию профессора Гусева! У них квота!

— Статья тридцать девятая Основ законодательства об охране здоровья, — отчеканила я, упираясь ладонью в металлическую раму. — Экстренная реанимация имеет безусловный приоритет над плановой квотой. Отказ в выдаче — прямая уголовная ответственность по сто двадцать четвертой статье.

Зинаида Петровна фыркнула, повернувшись к экрану компьютера:

— Ну и смотрите сами в базу! Ноль банок! Закончился еще в пятницу!

Я перегнулась через прилавок, взглянув на монитор программы складского учета «1С:Больничная аптека», и мгновенно выхватила строку:

— Секция Б-четыре, ячейка двенадцать: пептидный гидролизат «Пептамен», серия восемьсот четыре. Остаток — двенадцать банок со сроком годности до следующего года. Вы врите в лицо врачу реанимации, Зинаида Петровна. Назвать вам штрихкод?

Завскладом поперхнулась воздухом, густо покраснев:

— Но... без электронной подписи начмеда система не проведет накладную!

Я достала из нагрудного кармана защищенный криптографический флеш-токен Федерального регистра Минздрава и вставила в USB-порт ее терминала:

— Мой сертификат ЭЦП аккредитован Минздравом с правом прямой безотзывной авторизации спецзаявок по неотложным протоколам. Проверяйте статус.

Терминал аптеки издал короткий мелодичный сигнал. На дисплее вспыхнуло: «Операция авторизована. Доступ разрешен».

Зинаида Петровна молча вынесла из глубины склада тяжелый картонный ящик с шестью банками гидролизата и сердито толкнула его на прилавок. Ящик качнулся, готовый рухнуть на бетонный пол. Мы с Селезневой среагировали синхронно, подхватив коробку в воздухе в сантиметре от пола и бережно опустив на колесную тележку.

В грузовом лифте Селезнева внезапно нажала кнопку «Стоп». Кабина замерла между этажами. Старшая сестра достала из кармана жестяную коробочку, протянула мне мятный леденец и с влажным блеском в глазах тихо сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.